

Маленький мудрец

ДЕТЕКТИВНАЯ ПОВЕСТЬ

БОРИС ШТЕЙН

Борис Самуилович Штейн

Маленький мудрец

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3089235
Маленький мудрец; КНИГА-СЕФЕР; Москва; 2011*

Аннотация

«Маленький мудрец» - первая детективная повесть Бориса Штейна. Но, как всегда у писателя, острозакрученная интрига, преступление и неотвратимое наказание - лишь повод для разговора о мужской дружбе, о любви и ненависти, добре и зле. А главный герой книги - маленький мудрец, маленький человек с большим сердцем и острым умом или, как таких, как он, иногда называют - лилипут.

Содержание

Часть первая	4
Зона взаимного наблюдения	4
Шведский стол	10
Французский поцелуй	17
Армянский поцелуй	23
Танцы-шманцы-обжиманцы	26
Луной был полон сад	39
Аудиенция	54
Прикосновение к тайне	66
Будни отставного лейтенанта	73
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Борис Штейн

Маленький мудрец

Часть первая

Желтая

Зона взаимного наблюдения

Она выходила из воды медленно и величественно, как Афродита. Ранние лучи неназойливо согревали прохладную влажную кожу. Низкое солнце било в глаза, она щурилась и непроизвольно улыбалась, подставляя ему обнаженное тело. Пляж был пуст. Она потопталась на мелком балтийском песке, заведя руки за затылок. Пляж, повторяю, был пуст, по крайней мере, обширный участок вплоть до сбегавшего к морю низкорослого кустарника, создававшего естественную границу ее владения. А за кустарником, на порядочном от себя расстоянии, она вдруг обнаружила миниатюрную фигурку. Без суеты надела купальник, хоть фигурке не было до нее никакого дела. Она принялась наблюдать за мальчуганом, а это, скорее всего, был действительно ребенок, который вытворял на песке черт знает что. Сначала он просто

ходил на руках. Потом долго, со знанием дела стряхивал руки – наподобие экстрасенса, как бы стряхивающего с пальцев излишки некой энергии. Она заинтересовалась: очень уж недетскими были эти движения. Мальчуган поднял руки навстречу солнцу и вдруг, высоко подпрыгнув, крутанул в воздухе настоящее сальто, приземлился на ноги и снова поднял руки, словно приветствуя светило. Немного потоптался и направился к урезу воды и там, на мокром песке, принялся исполнять немыслимые каскады: крутил с разбега сальто и полусальто, отталкиваясь от упругого прибрежного песка то ногами, то руками. Потом опять по-взрослому стряхивал руки, ополаскивался в море и через некоторое время вновь принимался за свою акробатику.

Пляжная полоса сменялась хвойным лесом, а в лесу-то, в соснах, примостился на сваленной бурей лесине еще один человек, еще один, можно сказать, наблюдатель, наблюдатель за наблюдателем, то есть за женщиной, которая так красиво выходила обнаженной из воды, освещенная низким солнцем, и теперь, хоть и не полностью обнаженная, являла взору наблюдателя естественную грациозность движений. Грациозность эта на фоне белого песка, зеленого моря и рыжего солнца – она одна привлекала наблюдателя, не вызывая непристойных мыслей, как не вызывают непристойных мыслей шедевры живописи и скульптуры. Я могу это утверждать со всей определенностью, потому что этим наблюдателем, скрытым неказистыми соснами, был я сам. Будем, од-

нако, честными до конца. Человеку, увидевшему женщину обнаженной, не так-то просто отрешиться от мыслей о ней. Он словно бы оказывается причастным к некоей тайне, и это не дает ему покоя, и очень скоро вырисовывается незатейливое желание по крайней мере познакомиться с дамой. Мысль о знакомстве возникла во мне, когда солнце поднялось над морем не менее чем на три своих диаметра, и я подумал, что женщина, должно быть, из нашего маленького пансионата – откуда еще можно прибыть на рассвете на этот безлюдный пляж! Я утвердился в своем предположении, когда заметил прислоненный к кустам дамский велосипед, окрашенный в желтый цвет. Такие велосипеды держала для своих постояльцев хозяйка пансионата: пансионат был удален от моря километра примерно на два, а может, и побольше.

Итак, я наблюдал за дамой, дама – за акробатом, а акробат, как выяснилось, – за мной. Во всяком случае, он несколько раз бросал в мою сторону взгляды и неодобрительно покачивал головой, потому что я так и не достал из рюкзака свои бумаги и не принялся за работу. Не большой любитель физкультурных упражнений, да честно сказать – и купания в прохладном море, я намеревался потратить это время утренней свежести на составление очередного сканворда: с утра мои мозги работают поживее, чем днем и, в особенности, вечером. Тем более – когда дышишь морским воздухом, обогащенным запахами хвойного леса. Да, я должен был погрузиться в свои головоломки, а не в созерцание незнакомки.

Но я, увы, отвлекся от плана. А вы бы не отвлеклись, скажите? То-то.

А за нами за всеми наблюдала пара лебедей. Они плавали вдали, совершая галсы вдоль береговой черты, но не приближаясь к ней. Дикие лебеди избегают приближаться к людям. Этому их предков научили браконьеры, которые появлялись здесь даже в советское время, когда остров весь был погранзоной. Собственно, военные-то и баловались незаконной охотой, как рассказывала тетя Маале. Теперь советских военных на эстонском острове нет, но лебеди не разбираются в униформе и знаках различия. Они просто держатся, смиряя любопытство, от людей подальше, и все. Береженого и Бог бережет.

Солнце между тем поднялось повыше и стало припекать макушку. Маленькая стрелка на моих часах неумолимо подползала к цифре *d*. Пора было отправляться в пансионат – на завтрак.

Женщина накинула синюю кофту, села на желтый велосипед и укатила по крепкой грунтовой дорожке. Акробат надел шортики и оседлал детский велосипед.

– Поехали, – сказал он слишком низким для ребенка голосом и добавил, усмехаясь: – Дон-Жуан!

– Да ладно тебе, – отмахнулся я, неловко забираясь на свой велосипед. Я не люблю садиться с ходу, отталкиваясь сбоку свободной ногой, когда вторая уже на педали. Пока занесишь ногу, как кавалерист, велосипед свободно может

вильнуть в сторону, что со мной неоднократно бывало и я падал. Мне бы взять у тети Маале дамский – без верхней рамы, но я постеснялся. Хотя – чего стесняться, если подумать? Нечего. Но я постеснялся. Теперь с неудобствами, крепя велосипед, тронулся. И мы поехали. Валерий впереди, я – сзади. Такова диспозиция в нашем небольшом рабочем коллективе: Валерий – ведущий, я – ведомый.

Я посмотрел на море. Лебеди подплыли совсем близко к берегу. Им больше некого было бояться. Но и разглядывать было больше некого. «Баланс любопытства и опасности», – подумал я и загордился, что мне в голову пришла такая умная мысль.

Валерий быстрее закрутил педали – у него продолжалась утренняя разминка. Мне тоже пришлось подналечь, чтобы не отстать.

Вы уже, наверное, поняли, что Валерий никакой не ребенок. Да, это так. Он – лилипут, в прошлом – артист. А теперь – составитель кроссвордов и сканвордов в мощном издательском доме «ПРИКОЛ». А я – его соавтор. В основном я составляю саму сетку, а Валерий придумывает характеристику слов. Емко и с юмором.

Взять, например, слово «кошка». Какую бы вы дали характеристику слову? Чтобы человек не сразу угадал, а немножко подумал и потом бы улыбнулся? А их много. Скажем так: «рысь, и лев, и тигр», или «шлюпочный якорь», или «матрос, герой Севастополя в 1854 г.» А Валерий придумал про-

сто: «ВРАГ СОБАКИ». По-моему – здорово. У него вообще с юмором неплохо. Ведь он был клоуном. Но об этом в другой раз: дорога уже свернула вправо, и показались грубые просмоленные ворота нашего пансионата.

Шведский стол

Каждому известно, что шведский стол в любом отеле – прием пищи без порционных ограничений. Наш стилизованный под старину массивный деревянный стол можно было называть шведским еще и потому, что за ним собралась целая куча шведов – человек семь, не меньше, а если считать ребенка трех лет, то и все восемь. Вообще туризм на острове только начал развиваться, и широкие международные массы не прониклись пока еще желанием вкусить наслаждения девственной природой этих мест. Начали проникать только ближайшие соседи – финны и шведы, причем на пансионат тети Маале «упали» именно шведы, за что им от Маале большое спасибо. Что же касается широких российских масс, то они и слышать не хотели об эстонском туризме. Во-первых, далеко еще было до пресыщения классными курортами Турции, Египта и прочих Арабских Эмиратов, где в программу «все включено» входили в неограниченном количестве спиртные напитки.

Для нашего соотечественника хватило бы и этого «во-первых». Но было еще и во-вторых. Как-то не поднималась рука платить за визу туда, куда еще недавно можно было прокатиться просто, между прочим – на выходные. Одним словом, русских туристов на острове не наблюдалось, разве что мы с Валерием. Но тут – особенный случай. Валерий прихо-

дился тете Маале племянником. Она его любила, жалела за то, что он в десятилетнем возрасте остановился в росте, и гордилась им, его успехами в цирке. Валерий был умницей, и тетя называла его – «Маленький мудрец». Она произносила эти слова по-русски, неизменно посмеиваясь, – то ли над своим произношением, то ли над тем, что Валерий, действительно, такой маленький, а вот, нате вам, такой мудрец.

Шведы, как всегда, вели себя за завтраком шумно и весело: болтали, смялись, иногда из вежливости обращались с каким-нибудь вопросом к пожилой чете американцев, а иногда – и к нам, то есть, к Валерию, потому что Валерий в отличие от меня говорил по-английски. Стол стоял во дворе, в тени сосен, двор ограничивался изгородью из плитняка, деревьями и рядом одноэтажных коттеджей. Четвертого ограничения не было, и, сидя за столом, можно было любоваться небольшим озером с непременно рыбацкой лодкой посередине. Можно было любоваться озером, а можно – поглядывать на коттеджи в ожидании утренней незнакомки, которая все еще не вышла к завтраку. Чем я и занимался. Валерий сидел рядом на специальном возвышении, которое мы с ним соорудили в первый день своего приезда. Мы отдавали должное оладьям со сметаной и копченой скумбрии, но меня пища занимала на этот раз мало: я все посматривал и посматривал на коттеджи – вот как меня зацепило утреннее происшествие!

– Во как тебя зацепило! – сказал вдруг Валерий.

За год нашей совместной работы он научился читать мои мысли. Я почувствовал, что краснею. Этого только не хватало!

Хотел возразить и отшутиться, но слова застряли у меня в горле, потому что в этот момент дверь второго справа коттеджа отворилась и на пороге появилась она. Она приблизилась к нам, одетая в линялые джинсы и легкую розовую кофту, сквозь которую просвечивал контур бюстгалтера. Лицо – смуглое, правильные черты с чуть длинноватым носом, глаза большие и темные, волосы черные, как воронье крыло. Я был готов поклясться, что это естественный цвет, а никакая не химия. Глаза к тому же как-то загадочно искрились. Я как их увидел, так понял, что пропал.

– Переведи взгляд на что-нибудь другое, – посоветовал Валерий, – а то пропадешь.

Вечно он... Между тем у меня вспыхнуло желание вылезти из-за стола, подойти к незнакомке, взять ее за руку и усадить рядом с нами. Но я от природы не способен к порывистым движениям, я высокорослый полный флегматик, не знающий английского языка. Поэтому вскочил со своего места не я, а как раз один из шведов, парень ростом с меня, но подвижный, со спортивной хваткой и рыжий. Со словами «монинг, леди» (эту-то фразу смог бы и я из себя выдавить) он именно взял ее за руку и подтащил к своей шведской компании. Какой-то с ней завязался разговор, а я вдруг услышал

слово «раша» и воспрянул было духом, но рыжая эта образина захохотала громко до неприличия и стала выкрикивать, путая ударения, «здравствуйте», «как дел о идут?» и «хорошая погода». Погода стояла действительно хорошая, настроение же мое было пасмурным. Ни к черту было настроение. Я окончил завтрак чашкой черного кофе и отправился в нашу с Валерием комнату работать.

Ну не клеилась сегодня работа, мысли пошли вразнос, план, составленный Валерием на неделю, трещал по всем швам. Нет, я старался, напрягал мозги, но – не получалось. Валерий пытался мне помочь, залез в мою сетку. Но слияния мыслей не получилось, слова не стыковались, сетка разваливалась. И Валерий сказал:

– Ладно, брось. Поехали на пляж.

– На пляж? – удивился.

– Да конечно. Все же на пляже в такую погоду. И она тоже.

Там с ней и познакомимся.

Я засомневался.

– У тебя есть преимущество перед шведом. Это преимущество – я. Лилипут, который крутит по утрам сальто. Разве не любопытно? Ну, ты обо мне что-нибудь хорошее расскажешь. И так далее.

Нет, Валерий, все-таки, настоящий друг.

Мы шли пешком, ведя за рога велосипеда. Шли медленно, ужасно медленно, и я не мог включить на полный ход свои циркули, оставив Валеру на лесной дороге. Стояла сонная тишина, доносившийся издалека щебет птиц только подчеркивал ее. Наконец мы достигли пляжа. Шведы резались в волейбол. Рыжий играл лучше всех, что называется, вел игру: кому хотел, мягко пасовал, кому хотел – бил, одним словом был капитаном этого кружка, и все ему охотно подыгрывали. Он еще и хохотал раскатисто, этот чертов парень, раскатисто и заразительно. Шведы смеялись. А той, ради которой мы пришли, не было. Шведы стали жестами звать нас в свой кружок, но мы замотали головами. Валерию с его ростом нечего было делать среди больших игроков, а меня-то при любой погоде не прельщала игра в мяч. И мы, оседлав свою «конницу», отправились восвояси. Не проехали мы и полукилометра, как на дорожке появилась утренняя незнакомка. Она вышла из леса, держа в руке жиденский букетик полевых цветов. Кажется, это были колокольчики. Я сделал над собой невероятное усилие и спросил (покраснев, покраснев, черт подери мою нелепую натуру!):

– Скажите, это колокольчики?

– Да, – улыбнулась она, – колокольчики.

Улыбнулась! И так славно!

И я вдруг запел, как настоящий идиот, не имеющий голоса и музыкального слуха: «Колокольчики мои, цветики степ-

ные, что глядите на меня, темно-голубые...»

Валерий незаметно для нее покрутил пальцем у виска.

Потом сдвинул пятки, наклонил маленькую красивую голову с великолепной шевелюрой и представился:

– Валерий.

Женщина, кажется, смутилась: ей, наверное, никогда прежде не приходилось знакомиться с лилипутами. Она замешкалась, не зная, протягивать ли руку. Валерий же первым руки даме не подавал, но выразительно подался вперед, ожидая ее движения. И рукопожатие, наконец, состоялось. Мне тоже пожали руку и назвали:

– Ева.

Я буркнул:

– Евгений.

Словно бы я такой нелюдимый, и всякие-разные знакомства мне совершенно ни к чему. Ну что там говорить: если человек – остолоп, то он остолоп и есть. Ну, сказали тебе «Ева» – скажи «Адам». Кто будет проверять? А вышло бы смешно, и был бы повод для шуток, и повод для более близкого знакомства, сколько бы Валерий ни крутил пальцем у виска. Мы шли, естественно, пешком: Ева была без велосипеда. Беседа налаживалась вяло: об острове, об отдыхе, о природе. Потом Валерий рассказал пару смешных цирковых историй, расшевелил компанию (уже компанию!), и вскоре мы пришли в пансионат. Можно было приниматься за скан-

ворды.

Французский поцелуй

Француз появился в нашем пансионате вечером следующего дня. Его привезла на стареньком «Форде» тетя Маале. Она встречала своих гостей в порту, прямо у парома – одна из гарантированных услуг ее маленькой фирмы. Если будущий постоялец съезжал по аппарели на собственном автомобиле, он после короткого знакомства следовал за ее «Фордом». Если же человек оказывался «безлошадным», тетя Маале везла его на своей машине и одаривала небольшой лекцией об острове, о происхождении романтического названия его единственного города – Луйгесааре (город лебединого острова), о его исторических и природных достопримечательностях. Она не поленилась выучить наизусть текст этого полезного сообщения на английском языке, с которым вообще-то была в натянутых отношениях. Тетя Маале предпочитала как раз «безлошадных». Во-первых, она считала, что каждый лишний двигатель внутреннего сгорания ухудшает экологию ее родного острова. Во-вторых, желала добра своим клиентам, а ей казалось, что машина мешает плотному общению человека с природой, соблазняя его какими-то неведомыми поездками. А куда еще, спрашивается, ехать, если ты уже на острове: вот оно море, вот оно озеро, вот они сосны, и ели, и лиственные деревья. И это неправда, что только там хорошо, где нас нет, неправда, неправда! Да и не

было, пожалуй, на всем острове более живописного местечка, чем то, где располагался ее пансионат. Было еще и в-третьих: к услугам постояльцев имелись велосипеды, которым не следовало прозябать без дела, тем более что за них взималась небольшая, но вполне реальная арендная плата. Только маленький Валерий и большой я пользовались велосипедами бесплатно. Валерий – на правах родственника, а я – на правах его друга. Такая была у нас льгота.

Французик был невероятно элегантен. Говорю «французик», потому что роста он был небольшого, худощавый, что называется, сублильный месье в палевом клубном пиджаке с золотыми пуговицами. Что касается прически, излишне и говорить, что она была безукоризненна. Косой пробор ровной ниточкой разделял каштановые волосы, острые «височки» гармонировали с аккуратной полоской усиков. Приняв душ, он вышел к ужину, когда вся шатия восседала уже за безразмерным нашим столом, а тетя Маале и ее помощница Тиина ставили на стол желтые эмалированные кастрюли с томящимися в томатном соусе котлетами. Я едва успел подумать о том, что желтый цвет поистине любимый цвет тети Маале, как у стола появился месье пижон, и тетя Маале представила его собравшимся, и собравшиеся вежливо закивали без отрыва от основного дела, то есть от еды. Я был занят в этот момент котлетой и фамилии не расслышал, а имя было, кажется, Жак.

Жак сел напротив нас с Валерием и, скажем прямо, за-

крыл мне обзор коттеджа, из которого должна была появиться Ева. Я полагал, что она сядет возле нас – по крайней мере, утром она сидела напротив меня. Честно говоря, сомневаюсь, что я произвел на нее тогда благоприятное впечатление, потому что ничего романтического выдавить из себя не смог, комплименты тоже застряли у меня в глотке. Вместо всего этого куртуазного набора я признался, что умею и люблю печь шарлотку, и принялся с идиотским занудством подробно расписывать рецепт. Ох...

Но вот появилась Ева. Белый брючный костюм облегал ее великолепную фигуру. Строгий верх пиджака компенсировался вольным покроем нижней его части, открывавшей смуглый живот и – боже мой! – пупок. Короткие бусы из каких-то матовых камешков поблескивали в северном вечернем свете и были ей удивительно к лицу. Увидев, что утреннее место занято, Ева обошла стол и, мило со всеми поздоровавшись, села рядом со мной. Жак, который не успел еще приступить к трапезе, вскочил, как ошпаренный, отодвинув стул, склонился над столом, над паровыми котлетами, салатами и ветчинными нарезками и протянул руку, совершенно уверенный в том, что Ева вложит свою узкую ладонь в его маленькую, но крепкую пятерню. И когда это случилось, проклятый французский петух приложился к ней губами, и в этом неловком, казалось бы, положении он оставался исключительно грациозным и элегантным – принесла его нелегкая на мою голову! И я подумал, что французский поцелуй – это

не какие-то сосания и причмокивания, а вот такое, в любых условиях изящное приложение к ручке. Но я еще не знал, не предполагал, как резко рухнут уже в следующее мгновение мои акции. Мсье Жак оторвался от ручки и уставился, наглец, на Еву глава в глаза, прямо-таки принялся сверлить ее своими черными зрачками, таракан.

Ева вдруг что-то сказала ему на непонятном языке, по крайней мере, это были точно не английские и, кажется, не французские слова. Чертов французик встрепенулся и затараторил, затараторил, уже доставая из кастрюли котлету, и Ева отвечала ему, и если не смеялась, то уж улыбалась – я видел краешком глаза. Потом она, как воспитанная дама, повернулась к нам с Валерием:

– Извините, пожалуйста, мы с мсье Жаком разговариваем по-армянски.

В общем, я понял, что мне уже нечего терять. А поняв это, проговорил в сердцах:

– Это не совсем вежливо, когда другие не понимают, о чем идет речь!

Ну что тут можно сказать, ну достали они меня: то рыжий швед, то француз, который оказался армянином. Вот я и ляпнул, и пусть Валерий сколько угодно крутит пальцем у виска – мне уже было все равно.

Как ни странно, Ева не обиделась, не рассердилась на мое замечание – напротив, извинилась еще раз и сказала, что не стала переводить всякие глупости, которыми они обменива-

лись с Жаком, только потому, что в них не было ровным счетом ничего содержательного. И улыбнулась мне так дружелюбно и даже по-свойски, что я сразу размяк, как опущенный в чай сухарь. Глаза ее, казалось, говорили мне: «Ну что вы, что вы сердитесь, неужели еще не поняли, что вас, именно вас я выделяю среди всех...»

– Выделила она тебя из толпы, успокойся, – тихо сказал Валерий, этот маленький читатель моих мыслей.

Я сделал большой глоток кофе и успокоился.

А мсье армянин вдруг перестал смеяться-улыбаться и что-то проговорил на своем языке. Ева кивнула, но ничего не ответила. И вдруг обратилась ко мне.

– Евгений, вы не заметили, что наши имена начинаются одинаково: Ев-гений, Ев-а? Ева – женщина, которая была частью мужчины, его ребром. Вот и мое имя – часть вашего, не так ли?

– Так, – ошалело подтвердил я. Хотя как сканвордист отметил про себя, что буква «а» тут лишняя. Она выпадает из «Евгения». Но я не стал об этом говорить – еще чего не хватало! Тем более что Ева, как мне показалось, вдруг разволновалась, в глазах появился лихорадочный блеск. Она разволновалась, а я обнаглел. Обнаглев, подумал: «Во как я на нее действую». А вслух сказал:

– А давайте погуляем после ужина!

И что вы думаете, она ответила? Никогда не догадаетесь. Она ответила:

– А давайте!

О-ля-ля!

Армянский поцелуй

Догадался же кто-то протоптать тропинки в этом лесу!

Мы все удалялись от грунтовой дорожки. Шли друг за дружкой, держась, между прочим, за руки, как дети. При чем я шел впереди, как мужчина, как большой и сильный человек, который ведет за собой женщину, прокладывает дорожку. Куда я стремился, я и сам не знал. Важна была не цель, а процесс. Ева помалкивала. Я – тоже. Не существовало в природе слов, которые были бы выразительнее лесной тишины, – наверное, Ева понимала это не хуже меня. Мы вышли к ручью и остановились. Возле ручья цвела ряской маленькая заводь. Затеяливо, на разные голоса верещали лягушки. Мы долго стояли, не расцепляя рук, и слушали этот гам. Я с удивлением подумал, что, оказывается, лучшая в мире музыка – это как раз лягушачье кваканье.

Я обнял Еву и привлек ее к себе. Удивительно: она оказалась маленькой. Не статная дама, прекрасная и недоступная, а маленькая и беззащитная женщина – вот какой оказалась Ева. Она уткнулась носом мне в грудь чуть ниже ключицы и прошептала:

– Вот из этого ребра я и вышла...

Я сразу не нашелся, что ответить, а потом уже было поздно что-нибудь говорить, я это почувствовал и молчал. Молчала и Ева, и только лягушки затрещали и заухали с утра-

енной силой, будто кто-то подкрался к ряске и повернул до отказа ручку громкости.

Тут из меня, не спросясь, выпрыгнул комплимент. Он был прямым и избитым, то есть пошлым. Но абсолютно искренним. Я сказал:

– Какая ты красивая!

– Ах, Женя, Женя, – проговорила она. И, помолчав, добавила. – Хочу обратно в ребро.

Ну что тут сказать, ну потерял я самообладание. Если бы я не видел ее обнаженной, я, может быть, самообладания бы и не потерял. Но я – видел, и от этого некуда было деться. Порывистые действия и борьба с одеждой сопровождались какими-то бессвязными речами, и в этих бессвязных речах промелькнули слова – «французский поцелуй». Ева вдруг отстранилась от меня. Она улыбалась, не стесняясь наготы.

– Что французский поцелуй, – сказала она, – что за малость, когда есть поцелуй армянский!

Что было дальше, я рассказывать не стану, потому что не помню. Помню только жар в голове, а больше ничего и не помню. А если какие-то обрывки и воспроизводит сознание – не расскажу все равно. Об этом нельзя рассказывать, иначе потеряю себя. А терять себя я не хочу.

Этой ночью я почти не спал. Чувства мои и мысли были обострены, и я за один присест составил два сканворда. Непостижимо! Утром я предъявил Валерию свою работу. Маленький мудрец хмыкнул и произнес глубокомысленно:

– Любовь творит чудеса!

А утром она гуляла с Жаком!

Они даже опоздали к завтраку. Вошли вместе в ворота, когда все уже уплетали за обе щеки разносолы тети Маале. У меня редко пропадает аппетит, а тут пропал. Я отодвинул от себя тарелку с овсяной кашей и хотел было встать из-за стола.

– Не нервничай, – тихо сказал Валерий. – Не теряй лица. Да и мало ли кто с кем гуляет, пока другие дрыхнут после бессонной ночи! Это ровным счетом ничего не значит. К тому же людям хочется поговорить на своем языке. А при посторонних это неприлично, ты сам сказал, если помнишь. И это действительно так. Я же в твоём присутствии разговариваю с тетей Маале только по-русски.

– А когда меня нет?

– По-эстонски, разумеется.

Почему-то это меня успокоило.

Танцы-шманцы-обжиманцы

Жара спала. Небо покрылось облаками. По крыше коттеджа простучал короткий дождик. В открытое окно несло свежестью.

– Воздух такой – хоть ложкой ешь, – заметил Валерий.

Мы с ним работали, что называется, в четыре руки.

– Подойник! – объявлял я.

– Буренкин инвентарь, – откликнулся Валерий.

– Плоско, – безжалостно реагировал я.

– Все буквы заняты? – интересовался Валерий.

– Не все, – отвечал я. – Третья и восьмая свободны.

– Тогда питии: «покойник» – виновник похорон.

Слово меня, признаться, покорило, о чем я и сказал Валерию.

– И то правда, куда-то меня понесло не туда, – согласился он. – Пусть уж лучше будет «подойник».

Однако когда дошло дело до «проректора», он предложил поменять его на «прозектора» – «трупного доктора». Я опять возмутился, и мы сошлись было на «протекторе», который «цепляется за дорогу, пока не износится», но его вытеснил «прожектор» – «луч света в темном царстве». Это была настоящая изюминка, что я ему и объявил. Потом мы заменили «убой» на «удой», «саван» на «Севан» – озеро в Армении

(в Армении! У меня екнуло сердце), «палач» на «калач» и «труп» на «труд». Одним словом, оживили мертвое поле.

– Хватит, – сказал Валерий, – хватит на сегодня.

Я увидел, что он нервничает. Он как-то вдруг замкнулся, перестал на меня реагировать, потом запрыгнул на кровать и повернулся к стенке, напоминая обиженного ребенка. Я тоже завалился на свое ложе, закрыл глаза и стал думать о Еве. Как-то странно все выходило. Казалось бы, после вчерашнего свидания мы должны быть неразлучны, но Ева совершенно не стремилась к этому. Ни взглядом, ни словом она не выдавала, что между нами что-то произошло. А ведь произошло, произошло! Никто не мешал мне окунуться в воспоминания, и я окунулся, и меня бросило в жар. Не так, конечно, как вечером от этого самого армянского поцелуя, но все-таки... Незаметно накатил сон, и я во сне пережил то, что еще вчера пережил наяву. Вдруг кто-то (совсем не Ева!) громко произнес мое имя. Я проснулся с неудовольствием. Валерий сидел на кровати, свесив ноги, и смотрел на меня полными тревоги глазами.

– Что с тобой? – удивился я.

– Я чувствую, – проговорил Валерий осипшим голосом, – я чувствую беду. Я так же чувствовал в тот вечер, когда Лика сорвалась с трапеции. Я тоже тогда места себе не находил... Ты знаешь, когда меня толкнуло вот сюда? – Он показал на середку грудной клетки. – Я тебе скажу. Когда они говорили по-армянски. Я узнал одно слово. Это эстонское слово. Это

слово, верней, два слова – «Суур Кару». Означает «Большой Медведь» – название маяка, который расположен километрах в пяти отсюда. То ли в интонации я услышал что-то тревожное, то ли просто какое-то шестое чувство, не знаю...

А я поверил. Я поверил в его предчувствия, как давно уже поверил в его способность читать мои мысли. Я никогда не пытаюсь докопаться до природы непонятных вещей. Говорю себе, что есть, наверное, какое-то объяснение, но мне оно недоступно. И все. И не переживаю.

– Что же делать? – с тоской проговорил Валерий.

Я пожал плечами. Воцарилась оглушительная тишина.

В этот момент раздался стук в дверь. Валерий вздрогнул и проговорил:

– Войдите.

В следующий момент вздрогнул я.

Потому что дверь отворилась и вошла Ева.

На ней было умопомрачительное платье. Вернее даже так: сама Ева была умопомрачительной, а платье подчеркивало ее красоту, открывая все, что можно открыть, и даже чуть-чуть того, чего открывать нельзя.

Мне захотелось сказать: «Ты очаровательна!» Но я, как всегда, замешкался. И вдруг услышал низкий, чуть сдавленный голос Валерия:

– Вы очаровательны!

– Спасибо! – она улыбнулась. – Вы извините меня, пожалуйста, за вторжение. Но я пришла к вам с просьбой. Я про-

шу вас сопровождать меня в ресторан. Госпожа Маале говорила, что в городе можно пойти в ресторан. Автобус будет проходить через тридцать пять минут. – Она вздохнула и добавила. – Мне очень хочется. Обратно мы приедем на такси. – Она смутилась.

– Такси я оплачу... И ужин тоже.

Тут Валерий прыгнул с кровати и принял театральную позу.

– Мадемуазель, – заявил он важно. – Вы имеете дело с джентльменами. Которые почтут за честь... Потрудитесь оставить нас на десять минут. Мы соберемся.

– А вы знаете, где в городе ресторан? – спросила Ева.

– Да, конечно, – с пафосом заявил Валерий, этот маленький д'Артаньян, – возьмем, например, ресторан «Старая мельница». В нем провел я лучшие часы своей юности. – Он вышел из образа, развел руками и засмеялся: – А других ресторанов на острове и нет.

Ева тоже засмеялась и сказала уже по-свойски:

– Ну, собирайтесь.

Возможно, эта круглая невысокая башня, облицованная блестящим декоративным кирпичом, и была когда-то мельницей. Она и сейчас была увенчана мельничными крыльями, которые едва шевелились, послушные любому дуновению ветра. Было совершенно ясно, что они не связаны никаким приводом ни с какими жерновами. Башня была двухэтажной. На втором этаже имелись аккуратные квадратные

окошки. Черная дубовая дверь держалась на массивных кованых петлях, под стать которым были позеленевшие от времени медные уголки и ручка-кольцо, которой при надобности можно было стучать в дверь. Над дверью полукругом красовались медные латинские буквы.

– «Вана вески», – прочитал Валерий. – Это означает «Старая мельница». Пойдемте.

Я дернул за дверное кольцо. Массивная дверь на удивление легко поддалась, и мы оказались в залитом светом вестибюле с пустующим по летнему времени гардеробом и курительными столиками возле кожаных диванов. На второй этаж вела винтовая лестница, по которой и совершил подъем наш небольшой отряд, возглавляемый Валерием. Зал против моего ожидания оказался довольно просторным, словно бы внутренний объем был больше наружного. Здесь имелось все, что полагается в ресторане: стойка бара, эстрада для оркестра и круг для танцев. Столики были накрыты добротными зелеными скатертями, оркестр и официантки – в национальных одеждах. Метрдотель в белоснежной рубашке и затейливой зеленой жилетке с вензелями устремился к нам с радостной улыбкой. Улыбка была не казенной, а самой искренней, но предназначалась она только одному из нас, а именно Валерию. Нам мэтр вежливо кивнул, с Валерием же поздоровался за руку, не постеснявшись присесть возле него на корточки. Они обменялись веселыми возгласами, мэтр похлопал Валерия по плечу, тот тоже не остался в долгу, по-

стукал кулачком по спине своего, как было понятно, старого знакомого.

– Это мои друзья, – представил нас Валерий. – Они русские. Ева и Евгений.

– Очень приятно, – отозвался метрдотель. И представился. – Арво.

Короткий поклон, и Арво повел нас к свободному столику. Раскрыл меню в солидном кожаном бьюаре и положил его перед Евой. Едва он отошел, появилась официантка с кувшином пива и наполнила небольшие стеклянные кружки.

Валерий пояснил, что пиво местное, тоже называется «Вана вески», причем один кувшин на столик подается бесплатно.

О-ля-ля!

Мы сделали заказ и принялись оглядываться вокруг себя.

Оркестр, хоть и был одет в старинные деревенские камзолы, белые чулки и грубые башмаки, мелодии исполнял больше современные, самых разных ритмов – от блюза до рок-н-ролла. Народ охотно танцевал, после каждого танца награждая оркестр аплодисментами. Иногда к микрофону подходила солистка, этакая прибалтийская «барышня-крестьянка». Она пела эстонские песни, чаще всего это были вальсы и польки. Тут уж танцевали буквально все, многие при этом подпевали. Среди танцующих мы увидели и своих соседей по пансионату: шведов, Жака и веселую чету пожилых американцев. Недолго же они высидели в нашем уединенном

уголке! «Да, – подумалось мне, – все дороги ведут в Рим».

Валерий подергал меня за рукав. Когда я наклонился к нему, он произнес, хитро сощурившись: «Все дороги ведут в Рим». Я уже не удивлялся.

Тут появился метрдотель Арво. Он принес две кожаные диванные подушки, для того чтобы приподнять Валерия над пространством ресторанный столика. Когда мой друг водрузился на надлежащую высоту, между ними завязался какой-то разговор, причем мэтр на чем-то настаивал, а Валерий отказывался. Он часто произносил «эй» – это эстонское отрицание, я уже знал. Отказывался, отказывался, но потом, судя по всему, согласился, потому что метрдотель Арво обрадовался, разулыбался и вспомнил наконец о вежливости.

– Уважаемый Валерий согласился станцевать нам брейк, – объяснил он по-русски. Я вопросительно посмотрел на составителя сканвордов. Валерий развел руками.

– Этот Арво... Я не смог ему отказать. Мы с ним – одноклассники.

Принесли заказ. Я разлил коньяк и минеральную воду и предложил какой-то дурацкий тост: за любовь и дружбу или что-то в этом роде. Мне очень хотелось выпить, чокнувшись с Евой и глядя в ее глаза. И мы все чокнулись, и я действительно смотрел и смотрел в упор на Еву, потягивая напиток ее предков. Я уж не преминул попросить, чтобы коньяк принесли именно армянский. И этот коньяк, и этот тост, и этот взгляд, и ее полуулыбка казались мне судьбоносными.

Валерий же не пил ни коньяк, ни воду, не притронулся и к еде.

– Мне работать, – хмуро сказал он. – Я потом.

До его «работы» я успел дважды станцевать с Евой.

Стоит ли говорить, что я мог бы и не пить свой коньяк, голова и так шла у меня кругом. Во время танцев мы молчали, язык взглядов заменял нам слова. Ева постепенно прижималась ко мне все теснее, я воспринимал подробности ее прекрасного тела и один раз, не сдержавшись, поцеловал ее где-то возле уха. Душа моя, естественно, воспарила и парила бы долго на небывалой высоте, если бы Валерий не бросил мне за столом довольно пошлую фразу. Он произнес своим низким ущемленным голосом:

– Танцы-шманцы-обжиманцы...

На какое-то мгновение я его возненавидел, потом мгновение это прошло, я принялся за отбивную, а потом какой-то парень возник у нашего стола и пригласил Еву танцевать. Ева кивнула и поднялась с места, даже не оглянувшись на меня, хотя я был ее кавалером этим вечером – и по чувствам, и по обстоятельствам. Парень был молод, гораздо моложе нас – нам всем троим было под тридцать, а парню, как мне показалось, не было и двадцати. Он был хорошо сложен: фирменная майка облегалa спортивный торс. Волосы светлые, глаза – голубые. Лицо его показалось мне знакомым. Хотя откуда здесь, на эстонском острове... Он был пьян. Прядь волос, не откинутая вовремя со лба, закрывала правый глаз. Вместо

того чтобы убраться, он скособолил голову и сказал, глядя на Еву левым глазом:

– Привет. Пойдем?

На чистом пьяном русском языке.

Ева, как я уже говорил, кивнула и поднялась с места, отодвинув стул. Даже такой малости, как отодвинуть даме стул, он не удосужился сделать. Зато схватил Еву и сжал ее с такой силой, что она вынуждена была упереться руками в его плечи, чтобы хоть немного отстраниться от пьяного хама. Я, насколько позволяла обстановка, высматривал их среди танцующих. Вот они обменялись какими-то фразами. Потом Ева что-то говорила, а он кивал. Потом, видимо, распалился и стал ее грубо лапать – до такой степени, что танец у них сам собой прекратился, Ева вскрикнула: «Пусти же», я, вскочив с места, подбежал к ним и схватил этого козла за плечи. Он оглянулся злобно, но Еву не отпустил. Тут рядом со мной оказались миниатюрный Жак и верзила-швед из нашего пансионата, и втроем мы легко освободили даму из нелепого плена. Тем более что парня этого уже удерживал, оглаживал и успокаивал его приятель, который сказал ему по-русски, но с акцентом:

– Я сейчас отвезу тебя на маяк.

В ответ послышалось:

– А я еще не нагулялся.

– Хорошо. Побудем еще здесь, потом отвезу.

Музыка между тем прекратилась, микрофоном завладел

метрлотель Арво, который, ясное дело, стремился замять маленький скандал и спасти вечер. Он стал что-то говорить, я различил слова «цирк», «брейк» и «Валерий» и понял, что настал выход моего друга.

Валерий скинул пиджак и остался в стильных светлых брючках и желтой рубашке с отложным воротничком. Вся его одежда была сшита на заказ. Это же относилось и к обуви – модным кремовым туфлям с тупыми мысками. В центр круга положили небольшой пластмассовый лист. Народ не стал расходиться после танца, напротив, те, что сидели за столиками, подошли поближе.

– Пронеси меня на плече – попросил Валерий, только не наклоняйся, стой ровно, я спрыгну.

Толпа расступилась, и мы оказались в кругу: я и сидящий на моем плече Валерий. Он сидел картинно, подняв руку для комплимента – я увидел наше отражение в одном из стеклянных шаров, свисавших с потолка. И комплимент не заставил себя ждать: раздались дружелюбные аплодисменты. Валерий спрыгнул с высоты моего роста и приземлился на шпагат. Он оттолкнулся от пола руками, ноги его почти соединились и вдруг снова разъехались и образовали одну линию. И так раз за разом, в определенном ритме. Валерий взглянул на эстраду, кивнул клавишнику, клавишник дал вступительный аккорд, и оркестр начал, что называется, «отрываться», нагоняя темп и, кажется, импровизируя. Маленький акробат исполнял этот, наверное, самый трудный на свете танец с ви-

димой легкостью, крутя свое ловкое тело вокруг упертой в пол руки, делал «свечку», с которой переходил на стойку на руках, а на руках-то долго танцевал, вызывая восторг публики, проделывал еще массу трюков, тщательно отработанных. Иногда он давал расслабиться телу, расслабленно двигался в такт музыке – весьма, впрочем, грациозно, потом пускал в ход новые каскады. Танец длился около пятнадцати минут – очень долго для такого бешеного темпа. Наконец он закончил высоким сальто, нашел взглядом меня и подозвал жестом. Через мгновение он сидел на моем плече, маленький триумфатор, и поднятой рукой отвечал на шквал аплодисментов. Об инциденте с Евой посетители забыли напрочь. Ева, однако, сидела за столиком, хмурая, даже можно сказать – суровая: она-то не забыла, как только что подверглась пьяному хамству. Ее обидчик сидел за столиком со своим приятелем и пил пиво. Подошел Арво. Он сердечно тряс руку Валерия, а потом и мою (мою-то за что?) и объявил, что счет нам подавать не будут: мы сегодня ужинаем бесплатно. Валерий приходил в себя, потягивая пивко из стеклянной кружки.

– А где этот придурок, что приставал к Еве? – спросил он.

– Вон он сидит, козел. Его скоро увезут на маяк, – ответил я.

– На маяк? – переспросил Валерий.

– Ну да. Какой-то парень сказал ему: «Я увезу тебя на маяк».

– Ах, вот оно что!

Ресторан наполнялся музыкой и веселым гулом, а мы трое молчали, думая каждый о своем. Я – о том, что вечер для меня не удался, Ева – о недавно перенесенной обиде, Валерий – о брошенной цирковой карьере. Мне так представлялось. Валерий посмотрел на меня внимательно.

– Пойдем в туалет, – предложил я, – помоешься.

– Да нет, – сказал Валерий. – Давай знаешь что: давай-ка слиняем отсюда. Давай-давай, – поторопил он, видя, что я бросаю печальный взгляд на недоеденную отбивную. Ева изъявила желание ехать с нами.

– Мы вместе приехали, вместе и уедем, – заявила она. Такси долго искать не пришлось, и через полчаса мы входили в калитку нашего пансионата.

Приняв душ, мы упали на свои кровати, и Валерий попросил:

– Расскажи, что там сказали про маяк.

Я повторил то, что услышал в ресторане. И сказал:

– Ты знаешь, а ведь я где-то его видел, этого типа.

– Он что, на маяке работает? – спросил Валерий.

– Откуда мне знать? Услышал вот фразу, и все...

– Может, живет на маяке просто? Русский же. Приехал в гости, например, к маячнику. Маячник там русский.

– Не знаю я. Да что тебя прямо заклинило на этом идиотском козле?

Валерий долго молчал, лежал, иногда вздыхая. Потом спросил:

– Так где ты его видел?

Я не помнил. И вообще мне показалось, что я видел просто кого-то похожего на него – не обязательно его самого.

– А ты повспоминай, – попросил Валерий. – Закрой глаза, представь его в разную погоду, в разной одежде, с разной прической... Переодевай, переодевай его мысленно!

Я закрыл глаза и погрузился в «переодевания» незнакомца. Но долго «переодевать» его мне не пришлось. Потому что я вспомнил его и сказал:

– Вечер не удался, не так ли?

Валерий пожал плечами. Он вытирал лицо и шею носовым платком.

Луной был полон сад

Да, «переодевать» мне его не пришлось, достаточно было «постричь». И я представил себе стриженную наголо голову и возвышающуюся над ней конскую морду. Я говорю конскую, хотя кто это был – конь или кобыла, я, разумеется, не имел ни малейшего понятия, да это и неважно. Конная милиция гнала перед собой перепуганных пацанов, запомнил я эту картину: равнодушная морда коня, злое лицо милиционера и ватага парней, летевших прямо на меня по весело искрившемуся снегу московского Царицынского парка. Этот синеглазый потерял шапку, вот я и вспомнил искаженную страхом физиономию, как только мысленно убрал волосы с его башки. Меня сзади чуть не сшибла милицейская легковушка – я еле успел отскочить в сугроб. Милиционеры горохом высыпались из машины и навалились на пацанов. Их (пацанов) было четверо, я оказался пятым. На меня тоже надели наручники и затолкали в подоспевший «Воронок». Не били. Я почему это подчеркиваю – наслышан был и начитан, что бьют в милиции. Но – нет. Когда заваливали в снег, может, кому и врезали, не знаю. Но в машине не трогали никого. На мои попытки объяснить, что я случайно оказался в этой компании, немолодой лейтенант отвечал скупо: «Разберемся». В отделении действительно быстро разобрались, меня даже не стали записывать. Сказали: «Сними шапку». Я

снял, поправил волосы. У меня длинные волосы, я всегда их машинально поправляю, когда стаскиваю шапку с головы.

– Ты что, вообще не скинхед? – спросил лейтенант.

– Что? – не понял я.

Остальные задержанные были все бритоголовыми.

В общем, у меня проверили паспорт и отпустили по-доброму-поздорову.

Лейтенант вышел вслед за мной на улицу, достал сигарету, стал охлопывать себя по карманам, ища зажигалку.

– А что они натворили-то, товарищ лейтенант? спросил я.

– Ничего, – сказал лейтенант. – Вас отпустили, так идите.

Он перешел на «вы», как с уже не задержанным.

Я достал зажигалку, щелкнул, поднес к лейтенантской сигарете. Лейтенант затыкнулся и вдруг сообщил:

– Замочили, суки, кавказца с ребенком.

– Как? Где? – потрясенно спросил я.

– На горке. На лыжах там... – Он устало махнул рукой. – А вы ступайте, ступайте, в свидетели вы все равно не годитесь: вы же не видели...

Вот что я вспомнил.

– Так этот что – один из убийц? – спросил Валерий.

– Похоже, он, – не совсем уверенно отозвался я.

– И на свободе...

– Их судили потом, – сказал я. – В газетах было и по телевизору. Кавказец-то был не лотошник никакой, не палаточник – преподаватель математики, между прочим. В вузе ка-

ком-то. И мальчик, его сынишка, его тоже забили насмерть сапогами. – Я подумал, как бы лучше сформулировать и добавил: – Одним словом, вся демократическая пресса возмущалась, и в том числе радиостанция «Эхо Москвы» (я ее слушаю), когда их всех освободили: кого за отсутствием состава, кого по малолетству, кому – условно. Я, между прочим, тоже переживал, поскольку меня это дело случайно коснулось.

– Как – условно? – не поверил Валерий.

– А так. Вроде они оборонялись и только превысили меру, что-то такое... А лейтенанта этого, что меня арестовывал и отпускал, я встретил потом на рынке. Представляешь, подъезжает «Газель», привозит мороженую рыбу, из кабины выскакивает водитель с накладными в руках. Смотрю: лейтенант. Отдал в палатку бумажки и давай коробки с рыбой разгружать. Я потом подошел, говорю: «Товарищ лейтенант, вы чего здесь?» Он посмотрел зло так. Узнал. Память-то миллийская. И как зарядит трех-четырёхэтажным, мне и не повторить. У нас боцман был на тральщике, когда я срочную служил, вот так же умел. Я думаю, может, этот лейтенант когда-то на флоте служил...

– А дальше? – спросил Валерий.

– А дальше что: выругался, махнул рукой, залез в машину и уехал.

Наступило молчание. Валерий отвернулся к стенке и замер, свернувшись клубочком.

Я знал, что он не спит в таком положении, думает. Но на

всякий случай негромко спросил:

– Спишь?

– Нет, – ответил Валерий, – не спится, прямо крутит всего.

Я решил: раз его мозг все равно не отдыхает, пусть поработает, как говорится, в мирных целях. Взял со стола тетрадь и говорю:

– Все равно сна нет, может быть, поработаем?

– Давай, – вяло согласился Валерий и лег на спину.

– Банкрот.

Валерий помолчал, поерзал на кровати и сказал:

– Неприятность. В скобках – «Поле чудес».

По-моему – не здорово. Но я сказал:

– Допустим.

Потом:

– Шарманка.

Валерий:

– Портативный орган с ручкой.

Но я почувствовал, что он оживился.

– Раскладушка.

– Ложе для гостя.

Ура.

– Кашалот.

Валерий усмехнулся:

– Измеритель глубины каши.

– Как это?

– Шутка. Просто: Кит. Или лучше: «Обжора». В скобках

– «Разговорное».

Мы развеселились. Наша работа была похожа на игру.

Чем и нравилась мне. Да и Валерию тоже.

– «Безобразие», – не без ехидства сообщил я. Пусть поломают голову.

– Что случилось? – вскинулся Валерий.

– Ничего не случилось. Слово такое – «безобразие».

Но поломать голову над «безобразием» Валерию не пришлось. Резко после короткого стука отворилась дверь. На пороге стояла тетя Маале. На ней, что называется, не было лица. Валерий соскочил со своей кровати, как солдатик по сигналу тревоги.

– Тади, мис юхтус?!

«Тетя, что случилось?» – не нужно было быть знатоком эстонского языка, чтобы понять этот вопрос.

– Валерка, – охнула тетя Маале и быстро и сбивчиво заговорила по-эстонски, не обращая на меня никакого внимания. Валерий стоял перед ней, спокойный и собранный, как маленький, но авторитетный руководитель.

– Ты сможешь вести «Форд»? – спросил он меня.

Я, наверное, мог. Во всяком случае, свой «Москвич» я водил по Москве без проблем. И я сказал:

– Могу.

– Собирайся, поедem. Тетя Маале не в состоянии сейчас...

– Куда ехать? – я уже надевал кроссовки.

– На маяк.

Управлять «Фордом» было совсем не трудно, не трудней, чем «Москвичом». Светлая северная ночь в купе с мощными фарами делала обзор дороги абсолютно не затруднительным. Грунтовая дорога скоро сменилась старым потрескавшимся асфальтом – это означало, что до маяка оставалось совсем немного. Мой друг объяснил, что тете Маале позволил смотритель маяка Миронов и стал жаловаться на здоровье. Вдруг разговор его прервался, раздался какой-то хрип, и Миронов больше не отзывался ни на какие «алло». Дело в том, что Миронов приходился тете Маале дальним родственником по покойному мужу.

– На острове все в какой-то степени родственники, – заметил Валерий.

Тетя Маале сидела рядом со мной и за время короткой поездки несколько раз принимала таблетки и запивала их из бутылочки с минеральной водой.

Чем ближе мы приближались к цели, тем тревожней становилось у меня на душе.

Домик маячника находился в тридцати примерно метрах от маяка. Хозяйственные постройки толпились друг возле друга. Что там было? Должно быть, дизельная, судя по выхлопной трубе, возле дизельной, вероятно, – склад ГСМ, деревянный сарай, еще что-то, гараж, наверное.

Рядом с дизельной возвышался столб с фонарем освещения. Фонарь не горел. Чуть поодаль виднелся покосившийся сруб колодца. Недалеко от него – колонка, как шаг в сто-

рону цивилизации. Я не стал подъезжать к домику, остановился у обочины, выключил двигатель и, конечно, фары. В этот момент и луна зашла за облако, стало не то чтобы темно – сумрачно. И в этом предутреннем сумраке я увидел прислоненный к дизельной желтый велосипед. Откуда ему было здесь появиться? Может быть, мне показалось в полумраке?

Я приостановился, оглянулся, но Валерий дернул меня за штанину: «Быстрее, быстрее!» Тетя Маале бежала к домику, неловко переваливая с ноги на ногу грузное тело. Мы устремились за ней. Одолев небольшую лестницу, тетя Маале распахнула дверь, и мы ворвались в комнату. Маячник был жив, но пьян. Он сидел возле рабочего стола на вращающемся кресле, безвольно уронив голову на грудь. На столе стояла ополовиненная бутылка водки и граненый стакан. (Когда я последний раз видел граненый стакан? В детстве, в далеком детстве!) На столе лежала упаковка валидола, тоже наполовину пустая.

Тетя Маале вскрикнула и принялась тормозить дальнего родственника, смешно матерясь по-русски и, что странно, целуя поросшее седой щетиной лицо. Валерий деловито взял вялую руку Миронова и стал нащупывать пульс.

– Пульс есть, – сообщил он. – Но неровный.

Я с трудом поднял расслабленное тело маячника и понес к кровати. Тетя Маале старалась мне помочь, но, разумеется, только мешала. Наконец я его уложил, а тетя Маале принялась разувать и раздевать этого, как оказалось, не безраз-

личного ей человека. Валерий порылся в настенной аптечке и принес нашатырный спирт. Он поводил перед носом маячника открытым флаконом. Маячник вздрогнул и широко распахнул глаза.

– Пить, – внятно сказал он и отключился.

Тетя Маале кинулась на кухню к питьевому ведру. Оно оказалось пустым.

– Принесите воды, – скомандовала она. – Колонка возле дизельной.

Я схватил ведро и быстро вышел из комнаты. «Заодно посмотрю, что там за велосипед», – подумал я.

Луна в это время вышла из-за облака, и в море засветилась отчетливая лунная дорожка. Это было так красиво, так волшебно красиво, что я на какое-то мгновение застыл на крыльце, забыв о своей миссии. Море, периодически озаряемое маяковыми проблесками, еле-еле шевелилось под лунной, и пара лебедей покачивалась на слабой волне. Они не сближались и не удалялись друг от друга, словно связанные невидимой ниткой. Мне вдруг показалось, что я узнал их, что это те самые лебеди, которые наблюдали за нами, когда обнаженная Ева выходила из воды. «Стояла ночь. Луной был полон сад», – вспомнилось мне. Фет. Чушь, какой сад? Какой Фет? Мотнув головой, я стряхнул с себя ненужное наваждение и направился к дизельной, где должна была находиться колонка и где я заметил велосипед. Колонку я нашел без труда. Велосипеда не было. Не было никакого велосипеда:

ни желтого, ни синего, ни серо-буро-малинового. А был ведь полчаса назад! Я видел его, обратил внимание на цвет. Если не велосипед, то что-то желтое, что я принял за велосипед. Я решил обойти постройку и вдруг у боковой стены обнаружил человека. Он полусидел, полулежал, привалившись к стене, голова его безвольно свесилась на грудь – так же, как голова маячника Миронова. «Ну и дела, – подумал я. – Что за странная попойка.» Я набрал воды и несколько полных горстей плеснул в лицо пьяного человека. Он не реагировал. Я решил нащупать пульс, как только что делал Валерий. Пульса не было. Человек был мертв. Я поднял его лицо. Оно было залито кровью. Посреди лба чернела дырка. Это был тот самый парень, который несколько часов назад танцевал с моей Евой. Подхватив ведро, я кинулся в дом. На фонарном столбе заметил мощный черный выключатель, спрятанный под самодельным навесом. Я нажал на клавишу. Площадка залилась светом. Кто-то просто выключил фонарь. Рядом с трупом я заметил клочок бумаги. На нем были написаны три буквы: СВС. Я сунул бумажку в карман и влетел в комнату. Тетя Маале вызывала по телефону скорую помощь.

– И полицию, – сказал я. – Там убийство.

Они приехали на мощном черном микроавтобусе все вместе: и медицинская бригада, и бригада следователей. Все со своими причиндалами. Островное МЧС.

Медики обследовали Миронова, полицейские – труп.

Миронова решено было отвезти в больницу. Из микро-

автобуса извлекли носилки. Возле дизельной с разных сторон фотографировали несчастного парня. Старший группы подошел к Валерию и сердечно поздоровался с ним, слегка наклонившись. Валерий что-то сказал ему, как я понял, представил меня. Старший, парень нашего возраста, протянул мне руку:

– Капитан Тамм. Юку Тамм. – Слегка поколебавшись, скупо сообщил. – Мы с Валерием одноклассники.

Он был небольшого роста, щуплый, зато голос имел мужественный: низкий и грубый. Можно было подумать, что природа поскупилась, когда отпускала материал на создание этого худосочного капитана Юку. Сначала поскупилась, а потом спохватилась, что так негоже, и добавила перца именно в голос, потому что больше добавлять было не во что. Общаясь с Валерием, капитан слегка наклонялся. Разговаривая же со мной, располагался немного поодаль, чтобы не задирать голову.

– Вы первым обнаружили труп? – строго спросил он.

Так строго, что я моментально почувствовал себя военнослужащим срочной службы и неожиданно ляпнул:

– Так точно!

– Расскажите подробно. – Он вынул из кейса диктофон и прислушался. Ритмичный плеск прибрежной волны показался ему слишком большой помехой для диктофона, и он увел меня в комнату. Миронову в это время «прокапывали» какой-то препарат. Он лежал под капельницей, лицо

его не было бледным, но глаза оставались закрытыми. Капитан Юку Тамм включил магнитофон, и я принялся подробно рассказывать. Абсолютно подробно – обо всем, начиная с ресторана, включая историю трехлетней давности, произошедшую в московском Царицынском парке. Но тут я несколько раз подчеркнул: полной уверенности, что я не ошибаюсь, нет.

– Так, – пророкотал своим басом капитан. – Прошу вас пока никуда не отлучаться, вы понадобится следствию.

– Подписка о невыезде? – догадался я.

– Какая подписка! – худосочный рот тронула чуть заметная усмешка. – Это же остров. Здесь все, как на ладони. Просто оставайтесь в пансионате. О перемещениях сообщайте мне через Валерия.

– Да мы с ним на пару...

– Вот и хорошо.

Между тем труп упаковали в мешок с наглухо застегивающейся молнией и на носилках внесли в микроавтобус. Рядом пристроили носилки с Мироновым, который начал приходить в себя. Врачи и полицейские как-то разместились в салоне, и машина островного МЧС отчалила от маяка. Пора было отправляться и нам: тете Маале, Валерию и мне.

Тут выяснилось, что Валерий остается. Он будет наблюдать за приборами, пока не приедет сменщик Миронова. Ему должны позвонить из Таллинна и проинструктировать по телефону. Дело в том, что там, в гидрографии работает его од-

ноклассник...

– Валерий, – спросил я, – а в правительстве нет твоих одноклассников?

– Есть, – признался Валерий. – Заместитель министра культуры.

– Прямо не класс, а пушкинский лицей!

– Что ж, – пожал плечами мой друг. – Мы, островитяне, ребята энергичные. Всем известно, что материковые эстонцы произошли от скандинавов, а островные – от тюрков. Так что наша кровь горячеей.

– От каких еще тюрков?

– От сибирских. Коми и марийцы, например – наши родственники. Вот так. Однако вы езжайте. Уже и до утра недалеко. А меня завтра отвезут в пансионат.

Мы с тетей Маале сели в «Форд» и отправились восвояси. Я взглянул в боковое зеркало. Лунная дорожка и ритмичные сполохи маяка провожали нас тихим салютом.

Хотелось тихо радоваться жизни. Я и радовался бы, видит Бог, если бы меня привели на маяк не столь ужасные обстоятельства.

Но приключения этой ночи не закончились для меня. Едва я вошел в комнату, как отворилась дверь и в проеме показалась Ева. Она бросилась мне на шею и стала осыпать меня поцелуями. Лицо ее было соленым от слез, я осушал его

губами. От чего же она плакала? От счастья? От неведомого мне несчастья? Вместо того чтобы выяснить это, я, как настоящий негодяй, принялся развязывать пояс на ее халате. Под халатом, как я и догадывался, не было никакой рубашки. Под халатом была сама Ева, такая горячая и такая желанная. Руки мои заскользили по восхитительному телу и доскользили наконец до полной, упругой груди, губы прильнули к напрягшемуся соску. Вскоре и моя одежда (с ее помощью, с ее помощью!) оказалась на полу...

Тут я, как мудрая Шехерезада, «прекращаю дозволенные речи», потому что дальнейшее не подлежит никакой огласке, если человек не хочет потерять себя. А я этого не хочу. Я засыпал рядом с ней, обессиленный и счастливый.

Последним проблеском отплывающего от меня сознания была почему-то знаменитая строчка Фета: «Стояла ночь, луной был полон сад».

Я не слышал, когда Ева покинула меня. Проснулся, однако, не сам – меня разбудили. Я почувствовал настойчивые прикосновения к моему плечу и услышал вежливый бас капитана Юку Тамма:

– Господин Евгений Ломов, пожалуйста, проснитесь.

С трудом возвращаясь к действительности, я сел, свесив ноги с кровати.

Юку Тамм был в форме, она придавала ему если не солидности, то – взрослости.

– Господин Евгений Ломов, вы арестованы по подозрению

в убийстве.

Я решил, что он шутит. Сам собой напросился дурацкий возглас «О-ля-ля!» Но это не было, черт возьми, шуткой. В комнате находился еще один человек, тоже в форме, явно подчиненный капитана Тамма. Едва я оделся, он подскочил ко мне и заковал мои руки в наручники. Они быстро вывели меня из помещения и усадили все в тот же универсальный черный микроавтобус. Водитель дал газ, и мы поехали.

– Куда вы меня везете? – с возмущением спросил я.

– В город, – ответил капитан. – В тюрьму.

– Снимите, по крайней мере, наручники – разумно попросил я. – Неужели вы думаете, что я куда-нибудь денусь?

– Не думаем, – спокойно ответил капитан. – Но положено – в наручниках.

– Постойте! – закричал я. – А велосипед! Не я же приехал на желтом велосипеде! Я приехал на машине, на «Форде» тети Маале, хозяйки пансионата, а кто-то приехал на желтом велосипеде и уехал на нем!

Капитан Юку помолчал, как бы раздумывая, стоит ли отвечать подозреваемому, потом решил, так и быть, ответить:

– Никто кроме вас никакого велосипеда не видел. А ваши слова – это только ваши слова.

Совершенно некстати пришло в голову, что в пансионате скоро завтрак, и сразу резко засосало под ложечкой. Я поделился с капитаном своими чувствами:

– Есть хочется.

– Накормят, – отозвался Юку Тамм. – В эстонской тюрьме кормят по нормам в соответствии с международной конвенцией. – И добавил не без ехидства: – Без воровства, усушки и утруски.

Это вселяло хоть какую-то надежду.

Аудиенция

В Таллинне я стараюсь заходить только в те кафе, где работает кто-нибудь из моих знакомых. Нет, я не подвержен комплексам: комплексующий лилипут – это, по меньшей мере, смешно. В общем-то, меня не приводят в слишком большое уныние эти неузнавания во мне взрослого человека, эти естественные вопросы «мальчик, тебе чего?» и естественные извинения: «Простите, я приняла вас...» и так далее. В уныние не приводят. Но – надоели. А вам бы не надоели? Куда приятнее, войдя в кафе, услышать «Привет, Валерий! Как дела?» Кстати, вместо русского «как дела?» эстонцы говорят: «Куйдас кяси кяеб?» – «как рука ходит?» Очень мило, не правда ли?

Я толкаю тяжелую дверь и захожу в кафе «Лай», что на улице с таким же названием – Лай. Не подумайте, однако, что название это связано как-то с собачьим лаем. Просто «Лай» по-эстонски – «широкая». Улица находится в старом городе, и в средние века, когда никакого нового города и в помыслах не было, являлась действительно самой широкой. Она начинается у Вышгорода и степенно спускается к морю.

– Привет, Валерий! – говорит мне хорошенькая барменша с идеальной прибалтийской прической. Светлые локоны до плеч и аккуратная прямая челка. – Привет, – говорит она, – куйдас кяси кяеб?

– Привет, Эви, – отвечаю я и заказываю кофе с ватрушкой.

– Ликер в кофе или коньяк? – спрашивает она, заговорщицки подмигивая.

– Нет, ничего не надо. У меня важная встреча.

Эви кивает и улыбается. Она и в школе всегда кивала и улыбалась, даже если получала двойку.

Дальнейшая жизнь частенько выставляла ей плохие отметки, порой – несправедливые. Она терпеливо кивала и улыбалась, не говоря худого слова о своих обидчиках: ни о сбежавшем муже, великодушно оставившем ей ребенка, ни о секретарше торговой фирмы, которая выжила ее с работы, приревновав к генеральному директору, может быть, впрочем, и не без основания. Идеальная работница сферы обслуживания. Посетитель не должен догадываться ни о каких ее трудностях и заморочках. У посетителя, небось, и своих хватает. А здесь – кивок и улыбка. Идеальная эстонская женщина.

Я беру поднос с кофе и ватрушкой и направляюсь к пустующему столику у окна. Поднос ставлю не на стол, а на подоконник. Забираюсь на стул, устраиваюсь боком к столику, лицом к окну. За окном – широкая улица, мощенная брусчаткой, приспособленная для проезда закованных в латы всадников. На противоположной стороне улицы – российское посольство. Туда я и отправлюсь через пятнадцать минут. Очень не хватает Евгения. Последнее время большинство моих контактов с официальным внешним миром проис-

ходило через него. Это избавляло меня от многих неудобств, неловкостей и объяснений. Он всегда понимал меня с полуслова, и всегда правильно. Как-то мы сошлись с ним... Я тогда еще работал в цирке. Я имитировал широко известного смешного клоуна. Я старался делать то же, что и он, только работал не на арене, а на бордюре. Свой природный недостаток я обратил на пользу искусству, потому что только маленький человек может бежать непрерывно по круглому бордюру и ему на этой бесконечной бархатной дорожке будет просторно. Музыканты задавали бешеный темп, мой бег, мои антраша, мои репризы – все укладывалось в эти ритмы, а они были зажигательны. Евгений иногда приходил к своему отцу, дирижеру циркового оркестра. Высокий, мешковатый парень навел меня на мысль об одной репризе, в которой ему отводилась роль «подсадки». Значит, так. Я скачу под музыку по бордюру со связкой воздушных шаров. Иногда я останавливаюсь и принимаюсь заигрывать с детьми, сидящими в первых рядах, дурачусь и одариваю их шарами. Когда добегаю до высокорослой «подсадки», «подсадка» встает с места и жестами просит у меня воздушный шар. Я протягиваю шар, но в последний момент прокалываю его иголкой. «Подсадка» в досаде замахивается на меня, я отбегаю на безопасное расстояние и жестами и мимикой изображаю такой примерно текст «Нехорошо обижать маленьких; я такой маленький, а ты такой большой – ай-ай-ай».

Это был мимолетный штрих, который добавлял моему вы-

ходу веселости.

С Евгением мы поладили, я договорился, чтобы ему платили за выходы. Копейки, но ему было приятно в принципе. На мою удачу, он работал расклейщиком объявлений и, стало быть, своим временем мог распоряжаться свободно. Мало-помалу мы сошлись поближе, стали настоящими друзьями. В особенности после смерти Лики, когда я остался один. Да он вскоре и поселился у меня, рассудительный, неглупый, независимый парень, воспитанный, как говорится, матерью-одиночкой – у циркового дирижера давно уже была другая семья. Флегма, полная моя противоположность. Как сказал поэт, «они сошлись – волна и камень, стихи и проза, лед и пламень»...

А теперь он арестован по обвинению в убийстве. Бред. Бред, бред.

Я взглянул на часы. До встречи в российском посольстве оставалось пять минут. Я соскочил со стула и вышел из кафе.

– Это... вы?

Секретарь посольства был растерян, но пока я закрывал за собой дверь, справился с собой и с улыбкой пожал мою руку, тактично стараясь не наклоняться, чтобы не подчеркивать разницу в росте.

Он представился:

– Иван Иванович.

До чего же нравится мне такое имя-отчество! А встреча-

ется редко. Я подумал, что это к добру и улыбнулся.

– А вы – Валерий...

– Янович, – подсказал я.

– Слушаю вас, Валерий Янович.

– Мой друг и соавтор арестован по подозрению в убийстве, которого он не совершал, и сейчас находится в тюрьме на острове Метсамаа. – Я подумал и уточнил:

– В городе Луйгесааре.

– Как будто там есть другие города, – резонно заметил секретарь посольства.

– Да, конечно. Но поймите меня – я волнуюсь. Он же российский подданный, заберите его!

– Расскажите все, что вы знаете по этому случаю.

– Подробно?

– Подробно.

И я начал с ресторана.

Секретарь слушал меня внимательно, но мне вдруг показалось, что он не столько вникает в суть моего изложения, сколько рассматривает меня и прислушивается к моему голосу. Когда я дошел до брейка в ресторане, он вежливо прервал меня и спросил:

– Послушайте, Валерий Янович, а вы случайно в цирке не работали?

– Работал.

– Тогда я ваш большой поклонник.

Он помнил все мои репризы, особенно репризу с проколотым шариком, он и сейчас с удовольствием ее смаковал.

– Это была «подсадка», «подсадку» звали Евгением Ломовым.

– Это... тот самый? – уточнил он.

– В том-то и дело! – воскликнул я, не скрывая радости, что выделился из общего ряда, и секретарь Посольства, к счастью, – любитель цирка; теперь, конечно же...

Это был пожилой человек, сделавший не слишком блестящую карьеру. Но чувствовалось, что это обстоятельство не портило ему настроения. Он предложил мне сесть, я устроился в кресле, секретарь сел напротив меня.

– Вы уверены, что ваш Ломов...

Я ответил очень серьезно, без эмоций:

– Принимая во внимание характер этого человека, его настроенность на конкретную работу, которой мы с ним занимаемся, и полное отсутствие мотивов преступления, абсолютно уверен.

– В таком случае я бы на вашем месте не стал хлопотать о выдаче его России.

– Но почему?

– Вы верите в беспристрастность российского следствия и беспристрастность российского суда?

– Не знаю, мне как-то не приходилось пока...

– Перестаньте, – мягко сказал секретарь. – Вы неглупый человек, это видно. Судебных нелепостей у нас полно. Это

читается даже в средствах массовой информации. И трагических нелепостей, – добавил он с горечью.

Я подумал, что он слишком близко к сердцу принимает всякого рода «нелепости». Может быть, поэтому он в своем возрасте все еще третий секретарь посольства во вчерашней союзной республике. Притом – самой маленькой.

Секретарь наклонился ко мне и сказал, понизив голос:

– Вы говорите, что убитый был связан со скинхедами?

– Я точно не могу утверждать, но Евгений, кажется, его узнал...

– Они очень сильны, – вздохнул он. – Они непозволительно сильны. Нет, не богаты. Но у них есть единомышленники. И те, кто придерживает их как резерв, на всякий случай. Поэтому они чувствуют свою безнаказанность. Это чувство безнаказанности должно прочно сидеть в них, веселить и кружить их стриженные головы. Ради этого следствие и суд будут скорыми и неправыми. Хотя, может быть, я и преувеличиваю.

Да нет, он не преувеличивал, пожалуй.

– Так что же мне делать, Иван Иванович, посоветуйте. Мой друг в беде. Его надо выручать.

– Это так просто, – усмехнулся секретарь. – Нужно всего лишь найти настоящего убийцу.

– Вы шутите. А мне не до шуток.

– Да, я понимаю. А кто расследует убийство?

– Капитан ЮкуТамм.

– Вы его знаете?

– Да. Мы вместе учились. Он если что вобьет себе в голову... Упрямый, как все малорослые... кроме меня. В общем, соответствует своей фамилии.

– Тамм?

– Да. По-эстонски – «дуб».

– Иногда это не так уж плохо. Но он честный человек?

– Да, пожалуй. Эстонцы, в общем-то, честные чаще всего.

– Нужно найти убийцу, – сказал Иван Иванович.

– Как в этом я помогу? Он же не сыщик-одиночка. У него целый штат...

– Это так. Но вы – москвич. Может быть, в Москве и нужно искать... В связи с убитым кавказцем.

– Мечь?

– Возможно.

– Что ж, спасибо за совет, – сказал я, слезая со стула.

– Не за что, – улыбнулся третий секретарь Иван Иванович. – У нас ведь еще недавно была Страна Советов. Так что советы раздавать мы научились.

Этой шутке лет сто. Так ведь и Иван Иванович не молод.

А Миронов вот что рассказал: Денис приехал к нему из Москвы по просьбе бывшего сослуживца капитана третьего ранга в отставке Гостева. Этот Денис приходился двоюродным племянником жене капитана Валентине. Гостев написал по старой привычке простое (не электронное) пись-

мо, где просил приютить парня на время на маяке, потому что именно на маяке парень сможет отдохнуть от московских напряженностей и неприятностей. То есть успокоить на природе расшатавшиеся нервы. Деньги на прокорм гарантировались. Ну, Миронов, кстати сказать, советский мичман в отставке, согласился: пусть приезжает, природы хватит. Парень этот, Денис, действительно каким-то беспокойным оказался. К несложным работам, которых всегда хватает на маяке, его приохотить не удалось. Зато быстро протоптал дорожку в город. Попивал-погуливал, благо был при деньгах: родители подпитывали его счет, а он пользовался кредитной картой. Задушевных бесед с ним как-то не получилось. Однажды, будучи в легком подпитии, стал приставать к Миронову: вот вы, мичман российского флота, а служите этим куратам. Вам не обидно? Миронов тогда ответил: «Вот тут ты, Денис, не прав. Что значит – «кураты»? Это же не просто обзываловка, это значит – «черти». А меня окружают не черти, а нормальные люди. И ничего плохого мне не делают. Да и я им... Я служил раньше в гидрографии, был командиром посылочного катера. Доставлял на маяки продовольствие, ГСМ, запчасти, почту. Вот мне и предложили эстонцы эту работу. Она мне знакома. А что на отшибе – так это и к лучшему. Потому что когда вокруг «огни большого города», вообще люди, меня обязательно тянет выпить. А мне нельзя. А кураты – не кураты здесь ни при чем».

Мы сидели возле его кровати в бывшем советском воен-

но-морском госпитале – всего на шесть палат – Юку Тамм, я и тетя Маале. Вопросы Миронову задавал, естественно, Юку, тетя Маале поправляла (без надобности: Миронов и сам был на это способен) ему подушку, а я просто слушал и наматывал на ус.

В тот злополучный вечер Миронова сильно потянуло к стакану и к разговору о жизни. Он мысленно все время полемизировал со своим молодым жильцом – настало время поговорить. Старый моряк приготовил выпивку, закуску, но Дениса все не было. Наконец Миронов услышал звук подъехавшей и тут же отъехавшей машины. Он уже разлил и ждал. Денис не шел. Миронов выругался в сердцах и жажнул стакан. А следом и другой. Тут ему стало плохо, он позвонил тете Маале и потерял сознание.

– Как ребенок, – сказала тетя Маале нежно. – Как большой ребенок.

Юку задал Миронову несколько уточняющих вопросов и выключил свой диктофон.

Мы вышли из больнички. Тетя Маале села в свой «Форд», я попросил ее подождать меня и обратился к Юку:

– Поговорим?

Юку пожал плечами и кивнул на скамейку, стоявшую в тени двухэтажного здания больнички.

– Отпусти Ломова, – сказал я.

– Нет, – твердо сказал Юку. – Не отпущу. Мы «откатали» его пальцы. Все отпечатки на месте преступления его. И сле-

ды – тоже его. Так что не отпускаю.

– Никто и не скрывает, что он там был. Он и обнаружил труп.

– Обнаружил или сотворил? – строго спросил Юку.

– Ты что, в самом деле думаешь, что Евгений – убийца?

– Думаю, – твердо сказал Юку. – У него был мотив.

– Мотив?

– Мотив. Он приревновал армянку к этому Денису.

– Позволь, Юку, но в ресторане были и другие постояльцы пансионата: шведы и француз Жак. Они тоже подбежали на выручку Еве.

– Но их не было потом возле дизельной. И они не состояли с Евой в интимных отношениях.

– А Евгений?

– А Евгений состоял.

– А откуда тебе это известно? – спросил я.

– Это – профессиональная тайна. У нас свои методы, разглашению не подлежат, – важно произнес этот самодовольный «пинкертон».

Ну что тут скажешь? Дуб он дуб и есть – хоть в капитанском звании, хоть в каком. Я спросил напоследок:

– И ты готов передать дело в суд?

– Нет, – ответил Юку. – Не готов. Я должен найти оружие убийства. Пистолет с глушителем. Гильзы вблизи не оказалось. Но пуля – точно разрывная. Пол-лица снесло к черту.

– А если я найду настоящего убийцу?

– Ты? – усмехнулся Юку. – Ну, найди.

Я уже соскочил со скамейки, и он смотрел на меня сверху вниз. Так мы и стояли некоторое время, изображая немую сцену: самоуверенный капитан полиции и придурочный липут, который несет невесть что. На этом и расстались. Тем более что тетя Маале уже распахнула дверцу машины и манила меня пальцем.

Я забрался на сиденье, и мы отправились в пансионат.

Прикосновение к тайне

Я решил начать «следственные действия», не выходя из пансионата. Осмотр велосипедов не дал ничего. Никаких особенностей грунта возле маяка не было, а если и были, то я о них ничего не знал. Я и сам не знал, на что надеялся наткнуться. Утром я вызвался помочь Тиине делать уборку в комнатах постояльцев. Тиина приносила в большом пластмассовом (разумеется, желтом!) ведре воду, а я всю махал тряпкой, заползая под кровати и внедряясь в платяные шкафы. Если к делу подойти с вдохновением (как к любому делу следует подходить с вдохновением), то мокрая тряпка вполне может сойти за спортивный снаряд. Не нужно только никаких удлинителей в виде швабр и специальных тряпкодержателей. А нужно гнуться и напрягаться, гнуться и напрягаться, и пружинить, и получится вполне нормальная разминка. Одновременно я осматривал вещи. Заглядывал в карманы висевшей в шкафах одежды, но ничего такого, за что можно было бы уцепиться, не обнаружил. Тиина добродушно на меня посматривала. Это была хорошая девушка с ровным характером. Она жила в городе Луйгесааре, но в пансионате у нее тоже имелось спальное местечко, и она частенько оставалась ночевать. В городе жила ее мать, она иногда приезжала в пансионат вместе с ребенком лет полутора-двух. Это была девочка. Она говорила Тиине «мама» и висла на

ней. Никто не спрашивал Тиину об отце ребенка. Не рассказывает – значит, не хочет. Захочет – расскажет. Дело личное. Излишнее любопытство не красит эстонского человека. Говорят, что эстонец может пятнадцать лет проработать бок о бок с коллегой и не знать, женат он или нет. Так шутят об эстонцах местные русские. А я не понимаю, что здесь смешного.

Но вот мы с Тииной вошли в комнату рыжего шведа, и я почувствовал сильный толчок в груди. На полу возле письменного стола стоял изящный кейс. Само по себе это обстоятельство не должно было меня взволновать. Кейс как кейс. Сейчас время красивых вещей, и глупо было бы предполагать, что нормальный не нищий швед отправится в заграничную поездку с облупленным фибровым чемоданчиком, обтянутом брючным ремешком. Но монограмма! Кейс украшала изящная золотистого цвета монограмма. На ней были изображены три буквы. Они нагло, дразнясь, лезли мне в глаза – дразнясь и цинично смеясь, радуясь своей открытости и безнаказанности. СВС – вот что это были за буквы, те самые, что красовались на бумажке, лежавшей возле трупа.

Вот так.

Тиина между тем, подхватив ведро, устремилась из комнаты. Это было как нельзя более кстати. Украсть кейс? А вдруг в кейсе – просто ценности. Тогда что: обыкновенная

кража? Позор, позор, и даже не мне, а тете Маале, конец ей и ее нелегкому бизнесу. Брр... Не трогать кейс? А вдруг... Внезапно в коридоре зазвонил телефон. Я услышал, как Тиина поставила на пол ведро, прежде чем раздалось ее «алло». Кажется, я получал шанс открыть кейс...

Но тут я услышал голос рыжего шведа. Он поздоровался с Тииной. А она сказала:

– Иди, комната открыта, там Валерий, он мне сегодня помогает.

Как странно: она сказала это по-эстонски. И швед ее понял, потому что по-эстонски же ответил ей:

– Хорошо.

И зашагал к двери.

Я никогда в жизни не смогу ответить на вопрос: как я очутился под кроватью, что меня толкнуло на это, неблагоприятное, в общем-то, действие. Могу точно сказать, что не было у меня никакого плана, не успел он возникнуть в голове, как я уже лежал на полу под обширным деревянным ложем и рассматривал ноги в белых носках «фроте» и огромных белоснежных кроссовках. Потом в поле моего зрения попали женские ноги в резиновых тапочках, но вскоре они вышли из сектора обзора. Оставалось только наострить уши, что я и сделал.

– Где же твой мелкий бес? – спросил рыжий. Я представил, как Тиина пожимает плечами.

– Не знаю, убежал куда-то, непоседа... А почему ты его

так называешь? Он ведь взрослый человек.

– Не знаю. Какой-то он вездесущий: и артист, и поломойка, и оператор на маяке...

Ах, вот оно что: на маяке. У меня опять екнуло сердце. Он?! Кроссовки вышли из зоны наблюдения, раздались звуки легкой возни и голос Тиины:

– Перестань. Не надо этого. Не хочу я так...

Я подумал, что если это швед убил парня, то нервы у него железные: как ни в чем не бывало кобелится после этого возле девушки. Он сказал:

– Ну чего ты, ну, Тиинушка!

– Не трогай меня, я живой человек. Во мне все перегорело, не вороши.

– И ты что же, ни разу тут ни с кем?..

– Нет, ни разу, нельзя. Грех это.

– А со мной – не грех?

– А с тобой – не грех.

– Ну так в чем же дело? – хохотнул рыжий.

– А с тобой тоже теперь – грех.

Приехали!

– Не любишь ты нас.

– С чего ты взяла?

– Сколько дней уж здесь отдыхаешь... Живешь своей жизнью. И дочку не хочешь посмотреть.

– Почему не хочу? Привези – посмотрю с удовольствием.

Воцарилось молчание, и я почти физически ощутил, как

тяжело ворочается мысль в голове у Тиины, как трудно подбираются для нее слова. Наконец Тиина сказала:

– Когда хотят, по-другому разговаривают.

– Неужели?

– Ужели.

Парню, похоже, наскучили такие тонкие материи, и он спросил, посмеиваясь:

– Послушай, Тиина, может быть, просто на тебя никто не смотрит: ты какая-то блеклая!

Вот скотина!

– Почему не смотрят? – с достоинством ответила невозмутимая эстонская женщина. – Смотрят. Но я не соглашусь.

Как-то все нехорошо получилось. Гонясь за страшной тайной, наткнулся на тайну совсем иного рода, до которой мне не было никакого дела. Словно подсмотрел в замочную скважину. Просто так. Из любопытства. Черт возьми! Дурак!

– Как-то у вас тут сложно все. В Швеции – гораздо проще. И веселее.

– Вот ты и уехал из отцовского дома в свою Швецию, Карл, – констатировала Тиина. Потом сказала: – Ты пойдешь, прогуляй пока. Я здесь закончу.

Блеклая – не блеклая, а нагибаться-разгибаться, орудуя тряпкой, при этом толстокожем Карле не захотела. Тут Карл сообщил:

– Ты не думай, я деньги привез. Здесь хватит надолго. Бе-

ри вот.

– Спасибо, – сказала Тиина, и по еле уловимым звукам я понял, что она сделала книксен. Потом раздался такой звук: на стол шлепнулся конверт.

Карл ушел, минут через десять ушла и Тиина, кажется, предварительно опустошив конверт. Я услышал поворот ключа в замке. В голове пронеслось: «Круто ты попал».

Я вылез из-под кровати и осмотрелся. Кейс с монограммой безмятежно стоял на прежнем месте. На столе действительно валялся пустой конверт. Видимо, благоразумная Тиина рассовала деньги по карманам. Но дело было не в этом. Дело было в том, что на фирменном конверте нагло торчали те же самые буквы: СВС. Прихватив конверт, я забрался на подоконник и распахнул окно. Убедившись, что никто меня не видит, легко спрыгнул на мягкий газон.

Надо отдать должное Юку: он примчался в пансионат сразу после моего звонка. Карл оказался на месте, и Юку скрылся с ним в его комнате. Мне предложено было подождать. Находясь во дворе, я видел, как Юку запирает изнутри распахнутое мною окно. Сдерживая волнение, я расположился на скамейке с томиком Пушкина в руках. Один том из собрания я всегда вожу с собой. Пушкин успокаивает меня, утешает и помогает сосредоточиться.

А счастье было так возможно,
Так близко! Но судьба моя...

Но мне недолго пришлось качаться на волнах онегинской строки. Не прошло и пятнадцати минут, как надо мной навис капитан Юку Тамм. Он кинул на мою раскрытую книгу визитную карточку: «Карл Пихкоя, менеджер. Центральный баскетбольный клуб Стокгольма». Дальше – телефон, факс, мобильный телефон. Центральный баскетбольный клуб. По-английски – Central Basketball Club. Сокращенно – СВС.

Тут уж Юку вволю покрутил, глядя на меня, пальцем у виска.

Сел в машину и уехал.

Будни отставного лейтенанта

Мой маленький рост имеет свои преимущества в условиях «сидячего» вагона. Если кресло рядом пустует, я могу спать, как на диване, даже не сворачиваясь калачиком. Но я все равно сворачиваюсь: мне так уютней, мне так спокойней, мне так лучше думается. Так я и лежал, уткнувшись носом в спинку кресла в сидячем поезде Таллинн – Москва, чувствительно сэкономив на билете. Никому из пассажиров, наверное, и в голову не могло прийти, что они наблюдают не просто лилипута, угревшегося в креслах, а новоиспеченного детектива-одиночку, у которого нет ничего: ни знаний, ни полномочий, ни опыта, ни даже нормального человеческого обличия. Есть только одно невероятное желание: найти убийцу парня по имени Денис Васильев. Фамилию убитого я узнал в больничке от Миронова. Юку же не сказал мне ничего. Даже не разрешил, дубина, повидаться с Евгением. Я хотел расспросить подробней о том случае с убийством кавказца, расспросить об уволенном милиционере. Но Юку сказал, что, пока идет следствие, свидания не положены. Он и Еву не пустил к Евгению, не разрешил передачу, не взял письма для узника, согласился только передать привет.

– И скажите, что я его люблю!

Юку нехотя согласился и на это.

Ева пожила еще два дня в пансионате, да и улетела в

своей Ереван. Не стала дожидаться, пока справедливость возторжествует и Евгения освободят. Ее провожал Жак, между прочим. До аэропорта Луйгесааре. Но что на острове за расстояния! До аэропорта от центра города минут двадцать идти полноценному человеку. А на такси – вообще всего ничего. Так что он вернулся не слишком поздно. А на другой день уехал я. Меня тоже провожали, вы не думайте. Кто? Тетя Маале, конечно. А еще – рыжий швед, он же – эстонец Карл. Они довезли меня до автостанции и посадили в автобус. А уж на паром вслед за автобусом не поехали. Швед-эстонец все старался меня развеселить, уверяя, что он и есть тот самый Карл, которого русские разбили под Полтавой. Я вежливо смеялся.

Вагон мягко покачивало на первоклассных рессорах.

Народ спал в неудобных позах, согнувшись в три погибели. Только мне одному было удобно на своем импровизированном диванчике, и, может быть, только мне одному решительно не спалось.

Итак, мне предстояло очередное превращение. Надо признаться, что судьба злоупотребляла в отношении меня метаморфозами. Сначала я был обыкновенным мальчиком, таким же, как все дети. Десяти лет от роду я перестал расти и превратился в лилипута. Поняв, что отстаю от одноклассников в физическом развитии, я решил компенсировать физи-

ческое развитие умственным. Это было нелегким делом: я сильно уставал от занятий. Помог мне наш участковый врач. Он разработал для меня комплекс физических упражнений, я ими увлекся не меньше, чем учебой. Одним словом, я превратился в первого ученика и в маленького гимнаста, даже выступал на соревнованиях и получил первый юношеский разряд. Потом я превратился в эстрадного артиста, а потом – и в циркового. Это произошло еще до окончания школы, так что выпускной класс я осиливал заочно. Аттестат, однако, получил вполне приличный – без троек. Потом я превратился в сироту. Сначала умерла мама – от туберкулеза. А вскоре утонул на зимней рыбалке отец. Через некоторое время я превратился в мужа. Лика работала эквилибристом на проволоке. Ее рост остановился чуть позже, чем мой, – лет в тринадцать, когда девочка начинает превращаться в женщину, и лифчик был неременной частью ее белья. Я уже работал собственные номера, потом освоил клоунаду. Нам было хорошо друг с другом: нежно и весело. Лика была смешливая, а я умел смешить. А потом я превратился во вдовца. Это превращение надломило меня. Смешить публику я уже не мог. Зарубежные гастроли без Лики не радовали, наоборот, угнетали. И я превратился в составителя и редактора сканвордов. Это превращение дало мне пищу для ума, заработок и хорошего товарища, вернее сказать, верного и единственного друга. Друга, который на моих глазах стремительно влюбился и столь же стремительно попал в беду. И я пре-

вратился в сыщика. Не многовато ли для одного лилипута? Однако сколько выпало, столько выпало. Как сказал Александр Фадеев в забытом теперь романе «Разгром», «надо было жить и исполнять свои обязанности». Так что будем жить и исполнять.

Утром я выйду из вагона, огромный город не заметит вступления на его перрон маленького человека, которому в этом гигантском муравейнике необходимо отыскать единственного муравья. Эх, потянуло меня на высокий стиль! Но это неплохо, неплохо. Мозги не дремлют, разминаются для работы. А им уж придется потрудиться. Кроме них не на что и надеяться. Ну что там у нас? Мифический милиционер, ставший развозчиком рыбы. Где я его найду? На Царицынском рынке. На Царицынском рынке? Это что, приставать к каждому водителю «Газели»? Самому, без посредников? Дергая за штанину? Анекдот. Да и когда это было-то? Когда Евгений его видел? Два года назад? С тех пор он мог поменять машину, поменять работу, вернуться в милицию, а рынок мог с тех пор десять раз сменить хозяев и арендаторов.

Не густо пока. Не густо. Прежде всего, нужно найти помощника хотя бы для связи с внешним миром. Вот на этом и сосредоточимся. Я перебрал всех своих московских знакомых. Никто из них не подлежал втягиванию в мои дела. Мозги устали, я уснул.

Я проспал до Нарвы, разбудили меня таможенники. На них была аккуратная форма, почему-то это, прежде всего,

зафиксировало сознание. Меня почти не проверяли, спросили, на каком языке я говорю. Я ответил: «На любом, на каком вам больше нравится» – сначала по-русски, потом – то же самое – по-эстонски. В общем, пошутили, поулыбались и пошли дальше в своей аккуратной таможенной форме. В форме! Чем-то меня задело это обстоятельство... Казалось бы – чем же: форма и форма. Ясно, что таможня не шастает в пиджаках! Однако что-то зашевелилось в башке, какие-то ассоциации. Проехали Нарву. Проехали Ивангород. Российская таможня тоже не особенно докучала. Я свернулся калачиком на своем сиденье. «При чем тут таможенная форма?» – спрашивал я себя. И сам себе отвечал: «Ну не знаю!» И уснул. И вот ведь как: спать – спал, а мозги, видно, крутились по инерции, потому что как выкрутили ответ, так я и встрепенулся, словно воробей. Открыл глаза, сна как не бывало. Да Петр же Сергеич, майор милиции – вот кто мне поможет! Во всяком случае, сможет помочь, если захочет. Он живет со мной в одном подъезде, при встрече мы тепло обмениваемся приветствиями. Когда-то я дарил ему контрамарки на свои представления. Итак, Петр Сергеевич. Тут уж я уснул крепко и проспал до самой Москвы.

Звонить в квартиру Петра Сергеевича я не стал: во-первых, мне не достать до звонка. Стучать же в дверь – нелепо. Во-вторых, я рассудил, что милиция не сидит дома в рабочее время. Я написал Петру Сергеевичу записку и положил в его почтовый ящик. Потом сбегал в магазин и накупил се-

бе кучу продуктов, а именно: пакет кефира, три сырка глазированных, лаваш, пять пакетов «быстрой» овсяной каши, пять яиц, молоко и бульонные кубики. Притащил продукты домой и стал ждать визита Петра Сергеевича. Занятий у меня хватало: пропылесосить квартиру, приготовить завтрак, поесть и... поработать над сканвордами, потому что не забывал: никто за меня мою (нашу с Евгением) работу не сделает.

Работа пошла: «каприз» – вздорное желание; «ядро»... К черту Мюнхгаузена, просто – «спортивный снаряд». Нет, это действительно слишком просто. «Основа атома» – беззубо. Скажем так: «его распад опасен». Допустим. «Калмык»: «президент Илюмжинов» – плоско. «Сын кочевого народа» – лучше, но сегодня не соответствует истине. А вот: «друг степей (Пушк.)». Кажется, попал. Кажется, работа пошла. Впрочем, надо быть начеку, не давать ход слишком сложным формулировкам. Редактор то и дело упрекает нас с Евгением в излишней интеллектуальности. Читатель, говорит он, должен разгадывать сканворд за три остановки метро, если он сидит, и за четыре, если стоит, прислоняясь к торцевой стенке. А меня, признаться, тянет на литературу. Литература – моя любовь с детства. У меня была русская бабушка и русская мама, поэтому русский язык для меня такой же родной, как эстонский. Я люблю обе литературы – русскую и эстонскую. И знаю кое-что. Меня интересовала филология. Еще в школе я увлекался структурным анализом. Раздобывал лекции тартуского профессора Лотмана и питерского

профессора Иванова. Я сравнивал русский текст «Преступления и наказания» с текстом эстонского перевода, выполненным Антоном Хансеном Таммсааре. Но... цирк победил филологию. Теперь я думаю, что победила обида на природу, лишившую меня нормального роста. Победило желание вопреки всему и всем выделиться именно физически. Это у меня получилось. А потом одолело желание шевелить мозгами. И шевелю вот...

«Привоз – рынок в Одессе». «Дядя» – «благодетель Евгения Онегина». Или проще: «отец кузена». Или «кузины». «Кузины» – получше: есть какая-то игривость. Пусть будет «отец кузины». «Утеночек» – «гадкий – у Андерсена». Или короче: «сын селезня». «Ржание» – «хохот в конюшне». Здорово. Мне самому стало весело, как представил...

В дверь позвонили.

Пришел сосед Петр Сергеевич. Он был без формы, это меня почему-то огорчило.

– Какие проблемы? – спросил он, поздоровавшись.

Я помнил, что Петр Сергеевич любит хороший кофе, знает в нем толк. Пошел на кухню, сварил. У меня все имелось: молотый кофе, джезва и три подставки: перед плитой, перед прилавком и перед раковиной. Имелось и солоноватое печенье «крекер». Мы разместились в креслах возле журнального столика. Здесь мне не требовалась подушка.

– Так в чем дело, сосед? – спросил Петр Сергеевич, от-

хлебнув из кофейной чашечки. Я рассказал подробно всю историю. Сергеич слушал, не перебивая.

– И чем же я могу тебе помочь, Валерий? – спросил он, когда я закончил.

– Петр Сергеевич, – сказал я, – помоги найти того милиционера, который...

– Так он же уволился, – пожал плечами сосед, – как я его найду? Потом, я же служу в УБЭПе, не в уголовке. Если бы он УБЭПовский был...

– Что за УБЭП? – спросил я.

– Управление по борьбе с экономическими преступлениями, – терпеливо объяснил Петр Сергеевич. – Хищения, производство контрафактной продукции, подделка лицензий, манипуляции всякие – много всего...

– Петр Сергеевич, – перебил я его. – Войди в положение. Евгений арестован. Этот лейтенант, может быть, единственная зацепка. Кроме тебя – некому. Со мной, лилипутом, кто станет разговаривать?

– Спасибо за кофе, – сказал, поднимаясь, Петр Сергеевич. – Здорово ты его варишь. Что особенно ценно – с пачкой.

– Петр Сергеевич! – взмолился я.

– Ладно, – сказал он, – постараюсь по нашим каналам. Но обещать не могу.

Он ушел, и я остался наедине с телевизором, телефоном и своими мыслями. Я был измотан дорогой и первыми неуда-

чами. Самое умное, что можно было придумать, это – лечь спать. Я постелил постель и отправился в душ.

Петр Сергеевич позвонил в час дня.

– Записывай телефон. 391-44-96. Антонов Юрий Архипович. Это – домашний. На службе действительно не состоит.

– Это где-то рядом, судя по номеру!

– Естественно, наш округ!

Я позвонил. Ответили довольно быстро, после третьего гудка.

– Слушаю.

– Добрый день, мне нужен Юрий Архипович.

– Это я.

Затолкалось, затолкалось что-то внутри, застучало в ребра. Наконец-то...

– Юрий Архипович, меня зовут Валерий. Мне нужно с вами поговорить.

– Что ж, подгребай. Мой дом знаешь?

– Да нет...

– Малиновый бульвар, дом десять.

– Квартира?

– Не надо – «квартира». Увидишь желтую «Газель». Я рядом буду крутиться. Только успевай до двух часов: после двух разговора не будет.

– Почему?

– После двух я с хорошими людьми пью вино.

– Понятно, – сказал я, взглянув на часы.

– Кстати о вине. Можешь прихватить бутылочку крепленого. Предпочитаю «Порто». На худой конец сойдет любой «Агдам Петрович». И элементарно закусить.

– Юрий Архипович, – сказал я. – Должен вас предупредить: я – лилипут. Чтобы вы не слишком удивлялись при встрече.

– А по мне, – хоть лилипут, хоть Гулливер – один хрен.

Я быстро собрался и отправился на Малиновый бульвар. Разумеется, через магазин.

Возле дома номер десять я без труда отыскал среди припаркованных к газону машин желтую (желтую, как нарочно!) «Газель». Капот машины был открыт. Человек в синем комбинезоне копался в моторе.

– Здрасьте, – сказал я задней части комбинезона.

– Вы – Юрий Архипович?

Человек выпрямился и посмотрел на меня с изумлением.

– Правда, что ли, – лилипут?

Я улыбнулся и развел руками.

– Я подумал – спьяну померещилось, так я и не начинал сегодня.

– Да нет, – засмеялся я. – Не померещилось. Это я вам звонил час назад.

– А... это...

– Принес, – я протянул ему полиэтиленовый пакет.

Он быстро заглянул внутрь пакета и остался доволен.

– Подержи, я сейчас.

Бросил прощальный взгляд на двигатель и захлопнул капот. Открыл раздвижную дверь кузова.

– Прошу!

В кузове обнаружился старый колченогий, явно со свалки, стол с куском плитуса вместо недостающей ноги, три того же происхождения табуретки и, как ни странно, на стене – дачный умывальник. Под умывальником – мятое ведро. На перевернутом ящике стояли грязная мыльница и захватанный пакет со стиральным порошком. И лежало несколько тряпок. На столе – стаканы, кружка, ножик и две пластмассовые вилки. Юрий Архипович быстро вымыл руки, сполоснул стаканы и в два счета откупорил, разлил, разрезал, а также вскрыл рыбные консервы. Движения его были порывисты, если не сказать – судорожны. Он быстренько «махнул» свой стакан и успокоился. Успокоившись, налил себе полстакана и у нас вина оказалось поровну.

– За знакомство!

Он выпил, я пригубил.

– Тебя как, я забыл, звать?

– Валерий.

– Валера, а как ты на машине-то ездешь?

– В каком смысле?

– Как до педалей достаешь?

– Да никак. Нет у меня машины.

– А чего пришел?

– Извините, не понял.

– Я думал, ремонт тачки, как обычно.

– Вы ремонтируете машины?

– А чем же я, по-твоему, занимаюсь?

– И эта «Газель» не ваша?

– Ясно дело, не моя. Но временно – у меня в ремонте.

Мне стало любопытно.

– Юрий Архипович, а где вы живете'?

– Да вот же в этом подъезде, на четвертом этаже.

– А здесь...

– А здесь я, будем говорить, работаю и здесь я пью вино с хорошими людьми.

Я посмотрел на него с удивлением.

– Ну, моя скандалит, если дома, – объяснил он. – И хороших людей не велит принимать. Вот ты пришел, и мы сидим по-людски. А дома – нет. Дома она бы скандалила. А честно сказать, она и ключи у меня отобрала. Утром мы вместе выходим: она на работу, я – сюда. Придет с работы – откроет. Да мне, будем говорить, и нормально. Туалета только нет. Не строят, блин, общественные туалеты! Но я к дворничихе хожу. Она пускает. Я ей коляску наладил мусор возить – она теперь пускает.

– А как же я звонил вам по домашнему телефону? удивился я.

Хмельные глаза на одутловатом лице хитро прищурились:

– А на что радиотелефон? – он вынул из кармана комби-

незона массивную телефонную трубку. – Милиции без связи невозможно.

Нужно было родиться и вырасти в маленькой добропорядочной Эстонии, чтобы оценить всю дикость этой формы существования, которую мой собеседник воспринимал как норму. Однако настала пора брать быка за рога.

– Кстати, насчет милиции. Я хотел поговорить с вами об одном случае из вашей практики.

Бывший лейтенант в этот момент прикуривал. Затянувшись, он посмотрел на меня строго. Если не сказать грозно.

– Государственных и военных тайн не выдаю никому: ни лилипутам, ни Гулливерам!

От избытка деликатности он не страдал. Я заверил его, что государственные и военные тайны меня не интересуют.

– Да? – спросил он недоверчиво и уставился на меня – глаза в глаза.

– Да.

Он взял в руки бутылку, взболтнул остатки портвейна и задумчиво проговорил:

– Для разговора, будем говорить, маловато.

Я подумал, что вторая бутылка портвейна может его нокаутировать и толю, – от нашей встречи не будет вообще.

– Давайте так: я сначала расскажу, в чем дело, а потом сбегаяю.

Он легко согласился и вылил остатки в свой стакан. Я – в который раз! – поведал об убийстве на маяке.

– Ладно, – проговорил Юрий Архипович. – Беги за вином. Я подумаю. – И неожиданно полез в карман комбинезона. – Давай денег добавлю.

Я сказал: «Не надо» и выпрыгнул из кузова.

Продавец, к которому я пришел за второй бутылкой «Порто», спросил: «Уже?» и посмотрел на меня с уважением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.